

РАЗГРОМ ОЧАГОВ ВНУТРЕННЕЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Д. Л. Голинков

В борьбе за торжество социализма трудящиеся нашей страны столкнулись с огромными трудностями и препятствиями, в числе которых одно из главных мест занимало ожесточенное сопротивление эксплуататорских классов. Основоположники марксизма-ленинизма предвидели эти трудности и указывали, что рабочий класс сумеет преодолеть их путем использования завоеванной им политической власти. Так, В. И. Ленин в труде «Государство и революция» отмечал: «Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в *господствующий класс*, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства *все* трудящиеся и эксплуатируемые массы. Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства»¹. И далее: «Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя»².

Когда в России победила Великая Октябрьская социалистическая революция, еще продолжала свирепствовать первая мировая война, принесшая народам многих стран неисчислимые бедствия. Рабочие и крестьяне воюющих государств, все трудящееся население жаждали мира. Большевики, с первых же дней этой войны осудившие ее империалистический, захватнический характер, борясь в дни Октября за победу социалистической революции, сражались в то же время за мир, столь необходимый для строительства нового общества. Но против Советской рабоче-крестьянской власти, принявшей в момент своего рождения Декрет о мире, сразу же ополчились все силы как внутренней, так и внешней контрреволюции. В. И. Ленин, отмечая влияние военной обстановки на ход событий в России, писал: «Мыслима ли пролетарская революция, вырастающая из такой войны, без заговоров и контрреволюционных покушений со стороны десятков и сотен тысяч офицеров, принадлежащих к классу помещиков и капиталистов? Мыслима ли революционная партия рабочего класса, которая бы не карала за такие выступления смертью в эпоху самой ожесточенной гражданской войны и заговоров буржуазии о вторжении иноземных войск для свержения рабочего правительства? Ни один человек, кроме безнадёжных и смешных педантов, не мог бы ответить на эти вопросы иначе как отрицательно»³.

Эксплуататорские классы создали три основных фронта сопротивления Советской власти: фронт гражданской войны; фронт интервенции международных империалистических сил; внутренний, тайный, заговорщический фронт. Национальная контрреволюция и международный империализм с помощью своих военно-политических формирований, создававшихся главным образом на окраинах нашей страны, вели вооруженную борьбу против молодой Республики Советов. Они ликвидировали на захваченных ими территориях революционные завоевания народа и устанавливали режим террора и произвола. В тылу Советской республики те же антисоветские силы создавали тайный, подпольный фронт борьбы с революцией путем заговоров, восстаний, саботажа, вредительства, шпионажа, диверсий и террора. Грозная обстановка в стране определяла характер деятельности Советской власти в первые годы революции. В. И. Ленин отмечал: «Естественно и неизбежно, что первое время после пролетарской революции нас занимает более всего главная и основная задача, преодоление сопротивления буржуазии, победа над эксплуататорами, подавление их заговора»⁴.

Ильич указывал на одинаково важное значение разгрома контрреволюции как на фронтах гражданской войны и интервенции, так и в подполье. Он неоднократно подчеркивал взаимодействие этих фронтов и призывал трудящихся повышать бдительность в отношении заговорщиков. После победы над колчаковцами В. И. Ленин предупреж-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 26.

² Там же, стр. 88.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 184.

⁴ Там же, стр. 13.

дал: «Помещики и капиталисты не уничтожены и не считают себя побежденными: всякий разумный рабочий и крестьянин видит, знает и понимает, что они только разбиты и попрыгались, попрыгались, перерядились очень часто в «советский» «защитный» цвет. Многие помещики пролезли в советские хозяйства, капиталисты — в разные «главки» и «центры», в советские служащие; на каждом шагу подкарауливают они ошибки Советской власти и слабости ее, чтобы сбросить ее, чтобы помочь сегодня чехословакам, завтра Деникину. Надо всеми силами выслеживать и вылавливать этих разбойников, прячущихся помещиков и капиталистов, во *всех их прикрытиях*, разоблачать их и карать беспощадно, ибо это — злейшие враги трудящихся, искусные, знающие, опытные, терпеливо выжидающие удобного момента для заговора; это — саботажники, не останавливающиеся ни перед каким преступлением, чтобы повредить Советской власти. С этими врагами трудящихся, с помещиками, капиталистами, саботажниками, белыми, надо быть беспощадным. А чтобы уметь ловить их, надо быть искусным, осторожным, сознательным»⁵.

В то время как Рабоче-Крестьянская Красная Армия успешно отражала натиск врагов на фронтах гражданской войны и интервенции, на страже тыла Советского государства стояла Всероссийская чрезвычайная комиссия, специальный орган диктатуры пролетариата, созданный в декабре 1917 г. для борьбы с контрреволюционным подпольем. Владимир Ильич называл ВЧК разящим оружием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть. Главное достоинство ВЧК он видел в решительной, быстрой, беспощадной в отношении контрреволюционеров борьбе, пользовавшейся поддержкой трудящихся масс, а в работе чекистов ценил самоотверженность, верность, преданность пролетарской революции, сознание своего долга перед партией и пролетариатом. Руководитель ВЧК — ГПУ первых лет Советской власти кристально честный большевик, пламенный рыцарь революции Ф. Э. Дзержинский и посланные партией для работы в ВЧК закаленные в боях большевики И. К. Ксенофонов, Я. Х. Петерс, В. Р. Менжинский, М. Я. Лацис, И. С. Уншлихт, М. С. Кедров и другие образовали ту когорту чекисто-руководителей, которая воспитала кадры самоотверженных оперативных работников и следователей, беспредельно преданных нашей Родине, смелых, не знающих усталости работников, отдававших все свои силы и саму жизнь за дело Октября.

В декабре 1921 г., подводя итоги деятельности ВЧК, Владимир Ильич Ленин говорил: «Господа капиталисты, российские и иностранные! Мы знаем, что вам этого учреждения не полюбить. Еще бы! Оно умеет ваши интриги и ваши происки отражать, как никто, в обстановке, когда вы нас удушали, когда вы нас окружали нашествиями, когда строили внутренние загозоры и не останавливались ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу. У нас нет другого ответа, кроме ответа учреждения, которое бы знало каждый шаг заговорщика и умело бы быть не уговаривающим, а карающим немедленно. Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будет существовать на свете эксплуататоры, не имеющие желания преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов»⁶. Буржуазная печать, постоянно распространявшая слухи о «терроризме» ВЧК, «забывала», однако, упомянуть, что ВЧК применяла суровые меры борьбы в обстановке ожесточенной гражданской войны, когда рабочий класс вынужден был бороться с нападающей контрреволюцией методами военного подавления и лишь в ответ на террор белогвардейцев. «Террор,— говорил В. И. Ленин,— был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты... Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов; когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся»⁷. И действительно, в те моменты, когда в стране складывалась благоприятная для рабочего класса социально-политическая обстановка и устанавливалось хотя бы малейшее относительное затишье на фронтах гражданской войны, Советское правительство тотчас смягчало карательную функцию диктатуры пролетариата. В первые месяцы после Октября, в период триумфального шествия Советской власти, органы борьбы с контрреволюцией вовсе не применяли смертной казни и великодушно прощали представителям поверженной буржуазии злейшие их преступления. Даже во время гражданской войны судебные органы республики применяли часто минимальные наказания, а Советское правительство систематически амнистировало осужденных за контрреволюцию. В. И. Ленин указывал, что «по мере того как основной задачей власти становится не военное подавление, а управление,— типичным проявлением подавления и принуждения будет становиться не расстрел на месте, а суд»⁸. По окончании гражданской войны, когда Советская власть приступила к мирному строительству, ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ), которое передавало все вскрытые и расследованные

⁵ Там же, стр. 155.

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 327—328.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 101.

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 197.

им дела о контрреволюционных преступлениях и заговорах на рассмотрение нормально действующих советских судов.

На IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. В. И. Ленин, обращаясь к делегатам, говорил: «Вы знаете из истории этих заговоров, как действовали эти люди (контрреволюционеры.— Д. Г.). Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, ответить на них нельзя было»¹⁰. Однако до сих пор история борьбы советского народа с антисоветскими заговорами, мятежами и другими контрреволюционными выступлениями изучена недостаточно. Конкретные факты не исследованы исчерпывающим образом и широким читательским массам сравнительно мало известны. Обычно контрреволюционные заговоры рассматриваются в нашей литературе не специально, а в связи с изучением других вопросов. При этом нередко из отдельных упоминаний невозможно уяснить ни характера заговора, ни обстоятельств его раскрытия, ни закономерности успешного исхода борьбы с внутренней контрреволюцией. Между тем буржуазная литература, извращая факты, изображает карательную функцию Советского государства и методы борьбы с внутренней контрреволюцией в Советской стране в фальшивом виде.

Очерк ни в коей мере не претендует на полное изложение темы. Для этого потребовалось бы большое историческое исследование с привлечением самых разнообразных и обширных источников. Здесь ставится ограниченная задача — изложить и в какой-то мере обобщить следственные и судебные материалы о внутренней контрреволюции в первые годы Советской власти. Автор, знакомый практически с работой по раскрытию и расследованию дел о контрреволюции¹¹, изучил, кроме того, некоторые архивные документы. Наилучшей формой для достижения цели является, на наш взгляд, изложение материалов по основным контрреволюционным течениям и группам, выступавшим против Советской власти. Таковыми в России были монархистская контрреволюция, буржуазно-кадетская контрреволюция, мелкобуржуазная контрреволюция (правые эсеры, меньшевики, левые эсеры, анархисты). Имелись и другие противники Советской власти из среды национальной контрреволюции (буржуазные националисты, контрреволюционные церковники, кулачество и т. д.), но в конечном счете все они примыкали к тому или иному из отмеченных выше главных течений.

1. Монархистская контрреволюция

Наиболее реакционную часть антисоветского лагеря в России составляли монархистские элементы из бывших помещиков, крупных промышленников и торговцев, генералов, высшего чиновничества и духовенства, мечтавших о реставрации царизма. Влияние этой группы на политическую жизнь страны со времени Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. было уже весьма ограничено. Народ зорко следил за главарями монархистов и представителями бывшей царской администрации, а это исключало их открытые выступления за возрождение монархии. Приспосабливаясь к новым условиям, монархисты проникали в государственные учреждения и армию, чтобы исподволь, скрытно подготавливать реставрацию. После Великой Октябрьской социалистической революции монархисты резко активизировались. Там, где было возможно, они выступали против Советской власти под собственными знаменами, в иных же случаях, скрываясь от народной ненависти, шли под знамена других врагов революции. Обладая значительными материальными средствами, опытом государственной работы и связями в армии, они готовы были предоставлять свои средства и опыт любому антисоветскому движению и не останавливались перед контактами с враждебными России иностранными правительствами. Вот некоторые факты участия монархистов в первых антисоветских выступлениях, как они зафиксированы в судебно-следственных документах.

...Первые дни Октябрьской революции. Рабочие, солдаты, матросы стали хозяевами столицы. II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов образовал рабоче-крестьянское Советское правительство во главе с В. И. Лениным; министры свергнутого народом Временного правительства арестованы. Но неспокойн революционный Петроград. Министр-председатель Временного правительства А. Ф. Керенский бежал. Город полон слухов. Говорят, что Керенский ведет с фронта на Петроград казаков. Вот уже пришли новые вести: Керенский с казаками продвигается к столице, занял Царское Село. А в это время внутри города против Советов выступают юнкера... Сурово и гневно встретил рабочий народ эти события. Десятки тысяч мужчин и женщин по призыву большевистской партии, правительства и Военно-революционного комитета вышли на улицы. Рабочие с ружьями и лопатами, с мотками проволоки, солдаты и матросы с пулеметами и пушками пешком, на повозках и грузовиках стягивались к югу и юго-западу, к Московской заставе. Там они возводили баррикады, устанавливали на подступах к городу проволочные заграждения, рыли окопы, занимали боевые позиции. Революционный пролетариат грудью стал на защиту столицы рабоче-крестьянской республики.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 327.

¹¹ Д. Л. Голиков — старший советник юстиции, в прошлом следователь по особым важным делам при Генеральном прокуроре СССР и прокуроре РСФСР. На следственной работе находился более 30 лет.— *Ред.*

Наступление на Петроград и юнкерское восстание, поднятое против народа в момент наивысшего революционного подъема, были явной авантюрой, предпринятой группой сметенных революцией деятелей, среди которых вместе с А. Ф. Керенским, правозерсовскими лидерами (А. Гоцем, Н. Авксентьевым, В. Черновым) и прочими «социалистами» (Б. Савинков) выступали и черносотенные монархисты. Лишенные поддержки в массах, они пытались скрыться за ширмой «непартийных» общественных организаций, подобных «Комитету спасения родины и революции», или прикрывали свои замыслы фразами о «защите» уже свергнутого Временного правительства. И трудовой народ преподавал контрреволюции урок. К двум-трем часам пополудни 29 октября юнкерское восстание, начавшееся на рассвете, было подавлено¹². А в ночь с 30 на 31 октября рабочие, солдатские, матросские отряды нанесли под Пулковом поражение казачьим войскам. Казаки поняли, что столицу защищает весь народ, и отказались продолжать наступление. Керенский бежал из Гатчины, страшась не только гнева революционных народных масс, но и обманутых им казаков.

Кто же командовал казаками, кто вел их в наступление на Петроград? Это был командующий 3-м конным корпусом, монархист, генерал-майор П. Н. Краснов, согласившийся помочь «социалисту» Керенскому восстановить его власть. Получив урок от народа и поняв безнадежность затеи, он вынужден был вступить в переговоры о прекращении военных действий. Балтиец П. Е. Дыбенко принял капитуляцию, и мятежный генерал предстал перед следственной комиссией ВРК. Но Советское правительство отпустило его на волю, заручившись «честным генеральским словом», что он не будет больше выступать против революционного народа. В этом акте ярко проявилась гуманность рабочего класса, пришедшего к власти. Но генерал не сдержал своего слова и не оценил великодушия победившего пролетариата. Он сбежал на Дон и стал организатором реакционных сил для кровопролитной войны против революции¹³.

...3 ноября был раскрыт первый заговор монархистов против Советской власти. Вот как это было. В штабе Петроградского военного округа красногвардейцы задержали семнадцатилетнего молодого человека, пытавшегося выкрасть военные бланки штаба. Он оказался юнкером Кавказского ударного батальона Евгением Зелинским. Его доставили в Смольный, где он был допрошен членом ВРК Н. В. Крыленко и членом следственной комиссии А. И. Тарасовым-Родионовым. Зелинский объяснил, что в августе он был произведен генералом Корниловым в прапорщики и прибыл в Петроград с фронта. Оставшись после Октябрьской революции без средств, он отправился в общежитие офицеров за помощью. Там какой-то прапорщик предложил ему вступить в монархический союз, который возглавлял бывший член Государственной думы В. М. Пуришкевич. Тот же прапорщик привел его к Пуришкевичу, и последний завербовал Зелинского в офицерско-юнкерскую организацию, готовившуюся к вооруженному выступлению против Советской власти. Пуришкевич поместил Зелинского в оплачиваемый монархистами номер гостиницы «Россия», где жили и другие молодые офицеры и юнкера. По заданию этой организации Зелинский и пытался добыть военные бланки штаба Петроградского военного округа.

Крупный помещик Бессарабской губернии В. М. Пуришкевич был в свое время главарем «Союза русского народа», а с 1907 г. — столь же реакционного «Союза Михаила Архангела». Он руководил выступлениями черносотенцев против революционных масс. Его погромные речи с трибуны Государственной думы, в которой он занимал крайне правое место, вызывали возмущение у передового русского общества. Его имя употреблялось как синоним воинствующей монархической реакции. В декабре 1916 г. Пуришкевич проставился тем, что, пытаясь спасти прогнанный трон Романовых, вместе с князем Юсуповым и великим князем Дмитрием Павловичем был организатором и непосредственным участником убийства придворного «старца» Григория Распутина¹⁴. После Великой Октябрьской социалистической революции он скрывался от народа, жил в гостинице по подложному паспорту на имя Евреннова и был настроен, по словам Зелинского, крайне агрессивно. Членам своей группы он говорил: «Необходимо... ударить в тыл и уничтожить их (большевиков.— Д. Г.) беспощадно: вешать и расстреливать публично в пример другим. Надо начать со Смольного института и потом перейти по всем казармам и заводам, расстреливая солдат и рабочих массами»¹⁵.

Опасность организуемого Пуришкевичем контрреволюционного заговора была ясна. Следственная комиссия приняла решение арестовать членов контрреволюционной группы. В номерах гостиницы «Россия» задержали нескольких указанных Зелинским участников заговора, в их числе Пуришкевича. Там же было найдено оружие (даже пулемет), припрятанное заговорщиками. На квартире некоего И. Парфенова, являвшейся местом сборищ монархистов, нашли пачку поддельных удостоверений различных

¹² Подробнее о юнкерском восстании см. «Вопросы истории», 1966, № 3.

¹³ С мая 1918 до февраля 1919 г. П. Н. Краснов в качестве войскового атамана «Всевеликого войска Донского» боролся при поддержке германских империалистов с Советской властью. Затем он бежал за границу. Во время Великой Отечественной войны Краснов по заданиям гитлеровской разведки формировал отряды из бывших белогвардейцев и вел активную борьбу против СССР. Позднее он был пойман и в январе 1947 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР казнен.

¹⁴ Подробнее об этом см. «Вопросы истории», 1965, № 3.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 336, оп. 1, д. 277, лл. 107—108.

воинских частей и список лиц, связанных с лейб-гвардии штаб-ротмистром бароном Н. де Бодэ, начальником штаба тайной организации. На столе в момент обыска лежало не отправленное еще, но подписанное В. М. Пуришкевичем и Н. де Бодэ письмо на имя генерала Каледина, подымавшего на Дону реакционное казачество против Советов. Пуришкевич писал: «Положение Петрограда отчаянное, город отрезан от внешнего мира и весь во власти большевиков... Организация, во главе которой я стою, работает, не покладая рук, над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и над их вооружением. Спаси положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков. Ударив ими и добившись первоначального успеха, можно будет затем получить и здешние воинские части, но сразу, без этого условия, ни на одного солдата здесь рассчитывать нельзя... Казаки же в значительной части распропагандированы благодаря странной политике Дутова, упустившего момент, когда решительными действиями можно было еще чего-нибудь добиться. Политика уговоров и увещаний дала свои плоды — все порядочное затравлено, загнано, и властвует... чернь, с которой теперь нужно будет расправиться только публичными расстрелами и виселицей. Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего подхода выступим со всеми наличными силами. Но для того нам нужно установить с вами связь и, прежде всего, узнать о следующем: 1. Известно ли вам, что от вашего имени всем офицерам, которые могли бы участвовать в предстоящей борьбе, предлагается покинуть Петроград с тем, чтобы к вам присоединиться. 2. Когда примерно можно будет рассчитывать на ваше приближение к Петрограду. Об этом было бы полезно нам знать заблаговременно, дабы сообразовать свои действия»¹⁶.

В. М. Пуришкевич создал контрреволюционную монархистскую группу еще при Временном правительстве, в октябре 1917 года. В ее состав входили: доктор Всеволожский, генералы Аничков и Сербинович (которым удалось скрыться), полковник Ф. Винберг, упомянутые барон де Бодэ и Парфенов, несколько гвардейских офицеров, юнкеров и студентов из аристократических семей города (бывший председатель монархистского союза студентов Н. Графф, молодой герцог Лейхтенбергский С. Гескет). Заговорщики вербовали офицеров и юнкеров, закупали оружие, создали «контрразведку» и готовились к вооруженному выступлению. Некоторые из них уже участвовали в юнкерском выступлении 29 октября.

Открытый суд по делу Пуришкевича и 13 его сообщников, проходивший с 28 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г., являлся первым крупным политическим судебным процессом в молодой Республике Советов. Дело рассматривалось в недавно до того учрежденном Петроградском революционном трибунале. Оно вызвало огромный интерес. Зал судебного заседания был переполнен. Сюда явились представители от разных групп населения, были также друзья и близкие арестованных. Расторопно бежали корреспонденты все еще выходивших в городе буржуазных газет. Защищать монархистов вызвались видные петроградские буржуазные адвокаты. Обвинять явились представители партии большевиков Д. З. Мануильский и другие. Зал шумел, словно с улицы сюда ворвалось дыхание революционного Петрограда.

Подсудимым и их адвокатам суд предоставил все возможности для защиты, и они с помощью буржуазной прессы использовали эти условия, стремясь, хотя и безуспешно, превратить процесс в политическую демонстрацию против Советской власти. Они пытались доказать, что монархистского заговора не было, что существовала лишь «группа единомышленников», которая собиралась якобы лишь для бесед на политические темы. В то же время обвиняемые не скрывали своих монархистских убеждений и целей. Полковник Винберг заявил, например, что всю жизнь посвятил подавлению революции и нисколько не раскаивается в этом. Судьи тщательно взвешивали доказательства обвинения и возражения защиты. Вот один из обвинителей произнес свою речь. «Те, кто сидит перед вами на скамье подсудимых,— подчеркивал он,— есть злейшие враги трудящихся масс. Но победивший народ, которому победа досталась страшной ценой крови и бесчисленных жертв, победив, не мстит своим старым врагам... Победивший народ всегда, во все времена относится великодушно к побежденному врагу. Он часто платит за свое великодушие. Мы вас посадили сюда,— говорил обвинитель, обращаясь к подсудимым,— чтобы народный суд рассудил вас и сделал бы вас безвредными. Нам нужно только обезвредить вас. Мы не поступим так, как поступили вам подобные с французскими коммунарами... Им зонтиками выкалывали глаза... Вы вынесете свой приговор,— продолжал обвинитель, обращаясь к судьям,— и в нем будете иметь в виду не старую боль и обиды, а новую, светлую жизнь. Чтобы они не мешали, их, людей темного царства, надо изолировать. А когда наша революция укрепится, когда пройдет переходное время... мы их на все четыре стороны отпустим»¹⁷.

Революционный трибунал констатировал, что «монархическая организация Пуришкевича преследует контрреволюционные цели, достижение которых в каждый подходящий момент может вылиться в кровопролитие», и приговорил В. М. Пуришкевича к «принудительным общественным работам при тюрьме сроком на четыре года условно, причем после первого года, с зачетом предварительного заключения, В. М. Пуришкевичу предоставляется свобода, и если в течение первого года свободы не проявит активной контрреволюционной деятельности, он освобождается от дальнейшего наказа-

¹⁶ Там же, л. 27.

¹⁷ «Известия ЦИК», 4.I.1918.

ния». На тех же условиях революционный трибунал приговорил к трем годам принудительных работ барона де Бодэ, полковника Винберга и Парфенова. Некоторые подсудимые были осуждены на срок от двух до девяти месяцев, а юнкера герцог Д. Лейхтенбергский и С. Гескет ввиду их молодости освобождены от наказания и отданы «под надзор родственников»¹⁸. Но и этот весьма мягкий приговор не был исполнен в полном смысле слова. 17 апреля 1918 г. Пуришкевича временно освободили ввиду болезни его сына. 1 мая Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в ознаменование международного пролетарского праздника издал декрет об амнистии всех арестованных и осужденных за политические преступления. Пуришкевич оказался на свободе. Но он, как и Краснов, по-своему оценил великодушие народа и отправился на юг, в стан монархистской контрреволюции. Лишь смерть, наступившая в 1920 г. в результате болезни, обрвала его антисоветскую деятельность.

Особую роль в монархистской контрреволюции играли представители высшего генералитета бывшей царской армии. Среди них видное место занимал вице-адмирал А. В. Колчак. В годы царизма Колчак служил в императорском морском штабе. Во время войны 1914—1918 гг., день объявления которой он встретил, по его собственным словам, как «один из самых счастливых и лучших», он вначале командовал минной флотилией в Балтийском море, а затем стал командующим Черноморским флотом. После Февральской революции Колчак принял тайное предложение американского адмирала Гленнона командовать американским флотом в Средиземном море. Но назначение не состоялось. После Великой Октябрьской социалистической революции Колчак, находясь в то время за границей, предложил свои услуги английским военным властям. Однако империалисты Запада полагали, что он будет полезнее для них в России в качестве руководителя вооруженной борьбы с революцией, и поэтому предложили ему возвратиться на родину. Колчак направился в Омск к хозяйничавшим там в то время «социалистам», которые назначили его военно-морским министром эсеров-меньшевистского Сибирского правительства. Но Колчак недолго пребывал на этом посту. 18 ноября 1918 г. белогвардейская военщина в Сибири, сплотившаяся вокруг него, произвела переворот. Отряд казаков с Красильниковым во главе под звуки оркестра, исполнившего «Боже, царя храни», вывез эсеров-меньшевистских членов правительства на дальнюю границу. Военщина передала власть на территории Сибири, Поволжья и Урала Колчаку, принявшему титул «верховного правителя России». В обвинительном заключении по делу колчаковских министров, составленном в 1920 г. заведующим отделом юстиции Сибирского ревкома профессором А. Г. Гойхбаргом, дана, в частности, характеристика режиму, установленному Колчаком. Вот выдержка из этого судебного документа: «Цель (Колчака.— Д. Г.) достигнута — самодержавие восстановлено. И немедленно же начинается не только восстановление всего старого режима, но даже внешних проявлений ритуалов царизма... По его «повелению» министры слушают дела. Он чертит на журналах совета министров «согласен», наподобие царей. Во всех документах слова «верховный правитель» начинают писаться сплошь прописными буквами, как писались при самодержавии слова «государь-император». Он дает «рескрипт», под которым точь-в-точь как какой-нибудь Александр или Николай Романов, подписывает: «Дан 23 ноября 1919 г.». Он говорит о своих «прерогативах верховной власти»... На собраниях провозглашается: «Верховному правителю адмиралу Колчаку ура», — точь-в-точь, как в былые времена провозглашали «ура Романову» Акимовы, Щегловитовы, Марковы и Пуришкевичи».

Колчаком стали назначаться главные начальники с правами генерал-губернаторов, была восстановлена охранка, широко применялась смертная казнь. Вынесение приговоров поручалось офицерской тройке, которая именовалась военно-полевым судом. Эти суды, как было достоверно доказано, часто выносили смертные приговоры после того, как жертвы были уже расстреляны. «По желанию Колчака,—говорится в обвинительном заключении,—вводится смертная казнь в военное время на театре военных действий, через пять дней этого оказывается мало. Военно-полевым судам предоставляется право подвергать смертной казни за нарушение особых мер предосторожности, принятых вследствие военных обстоятельств или во время возмущений. Возмущение народных масс против колчаковских насильников растет, и через несколько дней опять принимается постановление, что военно-окружные или прифронтовые военно-полевые суды в дни переживаемой смуты могут подвергать смертной казни за превышение или бездействие власти, за сопротивление распоряжениям правительства и неповиновение властям... По докладу министра юстиции дозволяется карать смертью и за хранение или ношение оружия, а также и за призыв к неповиновению закону или обязательному постановлению, за призыв железнодорожников бастовать, за возбуждение вражды между рабочими и хозяевами или между отдельными классами населения и т. д. Такие решения, такие приказы об убийствах и зверствах проводились в виде «законов» формально. Но законы эти и попустительство и подстрекательство высших властей привели к ужасам, равных которым не видел не только царизм, но и древнее варварство. Существует атаман Анненков, подчиненный Колчаку. Он заводит у себя «вагон смерти», где расстреливает лиц, не дающих достаточной мзды или подозреваемых в большевизме... Атаман Семенов занимается грабежами и убийствами, издает приказы, что будет вешать без суда за распространение ложных слухов... Генерал Розанов... распо-

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 336. оп. I, д. 277, л. 6.

ряжается расстреливать по десяти заложников за каждого «пострадавшего» чека или белогвардейца... Устраиваются специальные карательные экспедиции, где в экзекуции населения особенно отличаются приближенные, любимцы Колчака, помогавшие ему стать самодержцем,— Волков, Красильников... Особенно много пострадало восставших и случайных жертв — стариков, женщин и детей — в селе Маринике ввиду отданного генералом Волковым приказа: большевиков расстреливать, имущество конфисковывать в казну, а дома их сжигать. Ворвавшиеся в Маринику солдаты отряда капитана Ванягина сами определяли виновных, расстреливали их, бросали бомбы в дома, сжигая их, выбрасывали семьи расстрелянных на улицу и отбирали у них все. Сгорело тогда свыше 60 домов, погибло около двух тысяч человек. Это было в одном селе. Так же расстреливали повсюду... Это была система колчаковского «управления», черным кошмаром раскинувшегося более чем на двенадцать губерний Сибири, Урала, Поволжья и особенно усилившегося при начавшемся отступлении Колчака, когда вдобавок начался массовый расстрел содержащихся в тюрьмах. Была расстреляна, повешена, замучена, живыми зарыта в землю не одна сотня тысяч лиц, принадлежавших к трудящимся. По официальному сообщению, в одной Екатеринбургской губернии «колчаковскими властями» расстреляно минимум 25 тысяч. В одних Кизеловских копиях расстреляно и живо погребено около 8 тысяч; в Тагильском и Надеждинском районах расстрелянных и замученных — около 10 тысяч; в Екатеринбургском и других уездах — не менее 8 тысяч. Перепорото около 10% двухмиллионного населения. Пороли мужчин, женщин, детей. Разорена вся беднота и все сочувствовавшие Советской власти. Из Тюмени официально сообщается: «Количество убитых разными способами и поротых красноармейцев и рядовых обывателей и граждан совершенно не поддается никакому учету. 13 марта 1919 года, пользуясь восстанием мобилизованных в Тюмени, произведен массовый расстрел свыше 450 человек, в том числе более половины этого количества были выведены из тюрьмы». Из Семипалатинска официально сообщают: «Во время восстания в Усть-Каменогорской крепости в июле 1919 года расстреляны 112 человек, в Павлоградской тюрьме закованы 29 человек». По данным, далеко не полным, Центральной комиссии по восстановлению разрушенных хозяйств, только в некоторых губерниях Сибири сожжено около 10 тысяч домов, разрушено несколько десятков тысяч хозяйств. Взорвано колчаковцами несколько сот мостов...».

Характеризуя социально-политические цели колчаковского самодержавия, обвинительное заключение отмечало: «Колчаковское правительство... возвращает именья владельцам, производит денационализацию фабрик, заводов и пароходов... Они (колчаковские министры.— Д. Г.) учреждают особое совещание по финансированию предприятий, и чуть ли не каждый день в Совете министров отпускаются десятки, а в общем сотни миллионов разным акционерным компаниям. Они учреждают военнопromышленный комитет, в котором и при котором орудуют деятели «партии народной свободы»... Хищения и растраты в этом комитете достигают, по удостоверению даже правительственной комиссии, невероятных размеров... Бунтовщики отдали в распоряжение правительств иностранных капиталистов все железные дороги Сибири; они предоставили им тысячи предприятий, они переправили иностранным правительствам до 200 миллионов золота; они содержали войска иностранных капиталистов, они их бесплатно перевозили; они совершали ничем не прикрытую измену, призывая каждый день на помощь против трудовых масс России иностранные войска; даже убегая от свергающих их народных трудовых масс из Омска в Иркутск, они сносятся с японскими высшими властями об усилении г. Иркутска японскими воинскими частями, настойчиво уговаривают чехословацкие войска соединиться с ними и активно бороться против трудовых масс России, которых они называют большевиками; просят содействия Японии для продвижения в Японию 2000 пудов золота, которое задержано в Чите Семеновым, умоляют японских империалистов об усилении количества японских войск в России, в частности посылки этих войск далее Байкала, на запад»¹⁹.

В конце 1919 г. под ударами Красной Армии и в результате народного восстания военная диктатура Колчака пала. Бывший «верховный правитель России» бежал вместе со своими приближенными, увозя с собой два вагона захваченного им золотого запаса России. Даже руководители белочешского корпуса отвернулись от колчаковского режима. В меморандуме «союзным державам» они писали тогда: «Под защитой чехословацких штыков местные русские военные власти (колчаковские власти.— Д. Г.) позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиения мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда представителей демократии по простому подозрению в политической неблагонадежности составляют обычное явление, и ответственность за все перед судом народов всего мира ложится на нас»²⁰. 15 января 1920 г. белочехи, пытаясь как-то выгородить себя, арестовали Колчака вместе с бывшим председателем его правительства В. Н. Пелляевым и другими приближенными и передали их Политцентру, образованному в Иркутске эсерами и меньшевиками после восстания народных масс против колчаковского режима. Тогда же большевики образовали в Иркутске Военно-революционный комитет, на стороне которого выступила подавляющая часть трудящегося населения.

¹⁹ См. «Колчаковщина». Екатеринбург. 1924, стр. 146—161.

²⁰ «Сибирские огни», 1927, № 4, стр. 133—161.

22 января 1920 г. Политцентр вынужден был сдать власть ВРК. Еще Политцентр назначил Чрезвычайную следственную комиссию для расследования преступлений, совершенных Колчаком и членами его правительства. В нее вошли К. А. Попов (большевик), В. П. Денике (меньшевик), Г. Г. Лукьянчиков и Н. А. Андреевский (эсеры). После перехода власти к Военно-революционному комитету в комиссию был введен в качестве председателя С. Чудновский (большевик). Комиссия начала следствие. Колчака допрашивали несколько раз. Но в это время над Иркутском нависла серьезная угроза: на город наступали капеллевские офицерские части. 6 февраля ВРК принял постановление, в котором говорилось следующее: «Обысками в городе обнаружены во многих местах склады оружия, бомб, пулеметных лент и пр. и тайное передвижение по городу этих предметов боевого снаряжения. По городу разбрасываются портреты Колчака и т. д. С другой стороны, [белочешский] генерал Войцеховский, отвечая на предложение сдать оружие, в одном из пунктов своего ответа упоминает о выдаче ему Колчака и его штаба. Все эти данные заставляяют признать, что в городе существует тайная организация, ставящая своей целью освобождение одного из тяжчайших преступников против трудящихся — Колчака — и его сподвижников. Восстание это, безусловно, обреченное на полный неуспех, тем не менее может повлечь за собою еще ряд невинных жертв и вызвать стихийный взрыв мести со стороны возмущенных масс, не желающих допустить повторения такой попытки. Обязанный предупредить эти бесцельные жертвы и не допустить город до ужасов гражданской войны, а равно основываясь на данных следственного материала и постановлении Совета Народных Комиссаров РСФСР, объявившего Колчака и его правительство вне закона, Иркутский Военно-революционный комитет постановил: 1. бывшего верховного правителя — адмирала Колчака и 2. бывшего председателя Совета министров — Пеняева расстрелять. Лучшие казнь двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв»²¹. Утром 7 февраля постановление ВРК было приведено в исполнение.

20—30 мая 1920 г. в Омске состоялся открытый судебный процесс над 23 деятелями колчаковского правительства. Они обвинялись: «1. В бунте и восстании, при помощи и поддержке иностранных правительств, против власти рабочих и крестьян, с целью восстановить старый строй; 2. В организации истребительной вооруженной борьбы против Советской власти; 3. В организации системы массовых и групповых убийств трудового населения; 4. В предательском призыве иностранных вооруженных сил против страны, к которой они принадлежали; 5. В организации массового разрушения достояния Советской Республики и имущества трудового населения; 6. В расхищении и передаче иностранным правительствам достояния Советской Республики». Среди подсудимых находились: один из создателей контрреволюционного «Национального центра», занимавший пост заместителя председателя колчаковского совета министров, кадет А. А. Червен-Водали; директор печати при верховном правителе кадет Клафтон; министр труда в том же правительстве меньшевик Л. И. Шумиловский; товарищ министра путей сообщений, доверенное лицо фабрикантов А. М. Ларионов; далее — министр юстиции А. П. Морозов; товарищ министра профессор Новомбергский; министр просвещения эсер Преображенский; товарищ министра финансов Хреновский; государственный контролер в правительстве Колчака Г. А. Краснов; товарищ министра иностранных дел Жуковский и другие. Заседания Чрезвычайного революционного трибунала при Сибирском ревкоме проходили в железнодорожных мастерских города в присутствии восьми тысяч рабочих, красноармейцев и делегатов, прибывших из пострадавших от колчаковщины районов. Революционный трибунал, признав, что подсудимые Червен-Водали, Шумиловский, Ларионов и Клафтон сохранили связи с контрреволюцией, приговорил их к расстрелу. Шесть подсудимых были присуждены к пожизненному лишению свободы, а остальные — к разным срокам заключения.

Интересно и дело монархистского генерала Р. Ф. Унгерна фон Штернберга, отпрыска рода прибалтийских баронов. Его предки состояли членами Ордена меченосцев и участвовали в крестовых походах. Великая Октябрьская социалистическая революция ликвидировала все остатки феодализма в стране, лишила дворян их привилегий, и Унгерн стал непримиримым врагом советского строя. Военная карьера барона, служившего в русских войсках, началась в Забайкалье. Сюда он вместе с казачьим атаманом Семеновым был послан Керенским для формирования верных Временному правительству бурятских полков. В годы гражданской войны Унгерн фон Штернберг подавлял народные движения. За эти «заслуги» Семенов присвоил своему 35-летнему помощнику чин генерал-лейтенанта. В 1920 году барон, расставшись с Семеновым и с разбитыми Красной Армией колчаковцами, организовал вооруженный отряд из разбойничьего сброда: русских казаков-монархистов, а также некоторых контрреволюционно настроенных монголов, китайцев, японцев и бурят. Местом своей деятельности он избрал Монголию. Здесь хозяйничали тогда китайские милитаристы, ликвидировавшие остатки монгольской автономии. Глава ламаистской церкви богдо-гэгэн вместе с феодальной знатью жалко пресмыкался перед чиновниками пекинского правительства. Но вместе с тем в стране под влиянием Октября подымалось мощное освободительное движение, руководимое Монгольской народной партией во главе с Сухэ-Батором. Барон Унгерн, учитывая обстановку, решил сыграть на национальных чувствах монголь-

²¹ «Последние дни колчаковщины». Сборник документов. М. 1926, стр. 208.

ского народа, выдвинув лозунг «освобождения» Монголии и восстановления ее автономии. Вместе с тем он сумел воздействовать на богдо-гэгэна, которого насильно привез в свой штаб, и заручился его обещанием о поддержке. В конце 1920 г. Унгерн со своею бандою двинулся в Монголию. В феврале следующего года он захватил ее столицу Ургу и восстановил богдо-гэгэна на престоле. Но фактическим диктатором в стране стал он сам. В Урге окончательно оформились его «философия» и политическое кредо. Унгерн выступил против европейского «гнилого Запада» и выдвинул идею воссоздания «Срединной Азиатской империи», подобной империи Чингисхана. Эта империя должна была включить под власть свергнутой народом в Китае маньчжурской династии Цин все территории, на которых жили «племена монгольского корня», — Китай, Маньчжурию, Монголию, Тибет и некоторые области советского Туркестана. В последующем планировалось восстановить монархию в России. Будущее человеческого общества представлялось барону весьма просто. Власть в государствах должна принадлежать монархам, опирающимся на дворян и аристократию; фабрики и заводы — их старым владельцам; земля — помещикам. Рабочим, крестьянам, солдатам надлежит работать, служить и повиноваться монарху и помещикам. Никакого участия их в государственной и общественной деятельности. Всякая революция — враг государства и народов. Порядок в стране должен поддерживаться силой: за нарушение дисциплины и веры в бога надо применять телесные наказания (до 100 ударов палками или кнутом) и казни. Эти средневековые взгляды и начал осуществлять в XX в. потомок прибалтийских рыцарей. Унгерн связывался с китайскими реакционными генералами, боровшимися против революционного движения в Китае и за восстановление монархии, с маньчжурским принцем, претендентом на престол в «Срединном Царстве», с феодальными деятелями монгольских племен. В письмах к ним он предлагал этим монархисгам объединиться во имя претворения в жизнь выдуманной им идеи создания «Срединной Азиатской империи». В одном из писем китайскому генералу он так формулировал свой план: «Следующий этап организационной работы в Азии, работы, идущей под лозунгом «Азия для азиатов», является образование Срединного Монгольского Царства, в которое должны войти все монгольские народы... Необходимо вам из Пекина действовать в этом направлении на Тибет, Китайский (восточный) Туркестан и особенно в первую очередь на Синсен [Синьцзян]... Необходимо подчеркнуть во всех сношениях необходимость спасения Китая от революционной смерти путем восстановления маньчжурской династии... [В] окончательном восстановлении династии Цинов... я вижу меру борьбы с мировой революцией».

Унгерн понимал, что восстановление монархии в России — дело безнадежное, и поэтому, предлагая свою службу китайскому реакционному генералу, писал ему: «Я, к сожалению, остался в настоящее время без хозяина. Семенов меня бросил; но у меня есть деньги и оружие. Вашему превосходительству известна моя ненависть к революционерам, где бы они ни были, и потому понятна моя готовность помогать работе по восстановлению монархии под общим руководством вождя Чжан Цзо-лина. Сейчас думать о восстановлении царей Европы из-за испорченности европейской науки и вследствие испорченности этих народов, обезумевших под идеями социализма, невозможно. Пока возможно только начать восстановление Срединного Царства и народов, соприкасающихся с ним, до Каспийского моря, только тогда можно начать восстановление Российской монархии, если народ к тому времени образумится. А если нет, то и его покорить»²².

Как видно, теории прибалтийского барона не отличались оригинальностью. Но, странное дело, его «план» явно перекликался с планом японских милитаристов о создании под протекторатом Японии нового государства в составе Монголии, Маньчжурии, Тибета и некоторых русских дальневосточных областей. Как ни старался барон доказать самостоятельность своих «идей», по существу, они были зеркалом проповедей японского империализма. Вместе с тем они отвечали честолюбивым мечтам потомков восточных деспотов. Недаром маньчжурский принц в ознаменование «заслуг» Унгерна издал «милостивый указ», по которому барону предоставлялось право иметь паланкин зеленого цвета, красновато-желтую курму, трехкопьевое павлинье перо и присваивалось звание «Дающий развитие государству Великий Герой»; глава ламаистской церкви присвоил ему высший княжеский титул в Монголии — «ван». В мае 1921 г., после того, как, кочуя со своей ордой по монгольским степям, Унгерн ограбил большинство населения и почти лишился там средств «кормления», он решил начать наступление на Советскую Россию и Дальневосточную республику. Знаменем своего движения он выдвинул идею восстановления на российский престоле династии Романовых. Те же бредовые мысли незадачливый генерал высказывал и в изданном им «Манифесте».

Двигаясь по левому берегу реки Селенги на Троицко-Савск, барон оставлял за собою пепелища сожженных деревень и трупы загубленных им людей. Все имущество непокорных он раздавал членам своей банды, кормившейся за счет грабежей. Он «покорял» районы методами Чингисхана, поголовно вырезая население и применяя страшные пытки. Между тем народно-освободительное движение в Монголии крепло. В начале 1921 г. было образовано Временное народное правительство и создана армия во главе с Сухэ-Батором, которая повела успешную борьбу с китайскими милитаристами

²² Цит. по: Ем. Ярославский. Барон Роман Унгерн фон Штернберг. Пггр. 1922, стр. 4, 11.

и белогвардейской бандой Унгерна. По просьбе Временного народного правительства на помощь монголам пришла Красная Армия, вступившая в столицу Монголии Ургу. Тогда и богдо-гэгэн выступил против Унгерна, призвав народ принять меры к уничтожению этого «красупного вора». В августе 1921 г. Красная Армия совместно с монгольскими народными войсками разбила банду Унгерна, барон был арестован восставшими против него солдатами и передан в руки красноармейцев.

15 сентября 1921 г. в Новониколаевске (ныне Новосибирск) состоялось открытое судебное заседание Чрезвычайного революционного трибунала по делу Унгерна. Суд заседал в составе председателя Сибирского отдела Верховного революционного трибунала при ВЦИК Опарина и членов трибунала Габиева, Гуляева, Кравченко, Кудрявцева. Обвинителем выступал видный деятель большевистской партии Е. М. Ярославский. Защищал подсудимого адвокат Боголюбов. Одетый в потертый желтый монгольский халат (тот самый, который был пожалован ему маньчжурским принцем), с генеральскими погонами и георгиевским крестом, стоял угрюмый Унгерн перед полетарским судом. Он и на суде не скрывал свое антинародное лицо. «Я на одном конце — говорил он, — вы на другом»²³. Чрезвычайный революционный трибунал признал, что Унгерн предпринял попытку свергнуть советский строй, причем «путь к этой попытке [вел] по рекам пролитой крови не только советских работников и их семей, но и невинных женщин и детей — не убиваемых, а истерзываемых и предаваемых самым бесчеловечным, известным нам только по глубокой истории, пыткам. Сжигались громадные села с женщинами и детьми (село Укыр и другие), расстреливалось сотнями крестьянство (станция Мензинская). Применялись пытки такого рода (сажание на лед, раскаленную крышу, битье кнутами, такое, чтобы летели куски мяса, и т. п.), о которых при упоминании и особенно при зверском хладнокровии Унгерна, вполне сознавшегося в их применении, невольно вспоминается феодализм со всеми его пытками, бесчеловечными нравами феодалов»²⁴. Преступник был приговорен к смерти и тогда же казнен в Новониколаевске.

II. Буржуазная контрреволюция

Вторую группу заговорщиков в антисоветском лагере составляли буржуазия и примыкавшая к ней буржуазная интеллигенция, чьи политические взгляды выражала конституционно-демократическая (кадетская) партия, возникшая в 1905 г. и присвоившая себе после Февральской революции название «Партия народной свободы». До революции кадеты добивались либеральных реформ в рамках парламентарно-монархического строя. В начале Февральской революции они попытались сохранить в стране монархию путем перестановки лиц на царском престоле. Кадеты входили как правое крыло в состав всех трех коалиционных правительств. После Октября кадеты стали активной силой контрреволюции. Они участвовали в актах саботажа против рабоче-крестьянской власти, поддерживали вооруженные выступления монархистских генералов. В обращении Совета Народных Комиссаров РСФСР к населению от 26 ноября 1917 г. говорилось: «Враги народа — империалисты, помещики, банкиры и их союзники — казачьи генералы — предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания. Кадетская буржуазия дает им необходимые средства для борьбы против народа. Родзянко, милликовы, гучковы, коноваловы хотят вернуть себе власть и при помощи калединых, корниловых и дутовых превращают трудовое казачество в орудие для своих преступных целей. Политическим штабом этого восстания является Центральный комитет кадетской партии. Буржуазия предоставляет десятки миллионов контрреволюционным генералам на дело мятежа против народа и его власти... Кадеты, злейшие враги народа, подготавливающие вместе с капиталистами всех стран нынешнюю мировую войну, надеются изнутри Учредительного собрания прийти на помощь своим генералам калединым, корниловым, дутовым, чтобы вместе с ними задушить народ». В другом обращении СНК отмечалось: «Прямая гражданская война открыта по инициативе и под руководством кадетской партии. Центральный комитет этой партии является сейчас политическим штабом всех контрреволюционных сил страны». 28 ноября 1917 г. Советское правительство издало декрет, в котором было сказано: «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов. На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской войной против Революции»²⁵.

Кадеты создавали подпольные организации и объединялись с другими антисоветскими группировками для контрреволюционной борьбы. Они участвовали в мятежах 1918 г. (в Поволжье, Сибири, Архангельске), входили в антисоветские правительства, создаваемые правыми «социалистами», а затем вместе с монархистами ликвидировали правительства «учредительской демократии». В 1919 г. кадеты заняли положение ру-

²³ Там же, стр. 7.

²⁴ «Советская Сибирь», 20.IX.1921.

²⁵ «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства», 1917, № 4, ст. 53, 64; № 5, ст. 70.

ководящего политического ядра военно-диктаторских режимов Колчака, Деникина, Юденича, стали соучастниками монархистской контрреволюции. Вот почему в годы гражданской войны слово «кадет» являлось для трудящихся синонимом слова «враг».

В течение 1918—1919 гг. органы ВЧК и революционные трибуналы неоднократно раскрывали и ликвидировали различные антисоветские буржуазные организации и группы. Многие такие дела свидетельствовали о том, что подрывная деятельность направляется руководящими центрами контрреволюции. Однако в условиях гражданской войны, когда надо было наносить молниеносные удары и не было времени детально выявлять все нити преступлений, нащупать эти центры и ликвидировать руководящие подпольные кадры контрреволюции долгое время не удавалось.

К началу 1920 г. Красная Армия в ожесточенных кровопролитных сражениях разгромила войска Юденича, Колчака и Деникина, а ВЧК нанесла ряд сокрушительных ударов по контрреволюционному подполью в тылу Советской страны. В феврале 1920 г. был ликвидирован «Тактический центр». Арестованные профессора Н. Н. Виноградский и С. А. Котляревский (члены руководящих центров контрреволюции), а затем и остальные обвиняемые по этому делу признали свою виновность и дали обстоятельные показания. Небезынтересно привести воспоминания одного из обвиняемых, профессора С. П. Мельгунова, пытавшегося впоследствии, после побега за границу, объяснить в эмигрантской печати, почему подсудимые были столь откровенны. Он писал: «Все будущие участники процесса во время предварительного следствия не держались тактики молчания, и не только о себе, но и о других... Разны, вероятно, были побуждения этой откровенности и разна была степень откровенности. Было здесь то, что именуется предательством; были и самообман, вытекающий из убеждения, что расказ уже идет о прошлом; сознание, что следствию все существенное уже известно и поэтому сокрытие не имеет никакого практического значения, между тем как умолчание будет без надобности содействовать ухудшению положения подсудимых; были, очевидно, и принципиальные соображения, побуждавшие во имя общественных интересов не скрывать того, что делал... Когда я вернулся в камеру после первого допроса, у меня было тяжелое раздумье о том, как поступить и как себя держать на следствии. Не то, чтобы меня подкупала... ласковость Агранова (следователь ВЧК.— Д. Г.)... но дело в действительности было уже в полном смысле историческим: приходилось нести ответственность за прошлое, не действенное в настоящем. Следователь знал все, что мог я ему показать с фактической стороны. Казалось поэтому, что принципиальным неговорением я без нужды отягчаю свою судьбу и может быть, судьбу других, не склонных, как я видел, занять позицию отрицания». Вот почему, как заявил Мельгунов, он давал откровенные показания²⁶. Мельгунов, как и другие обвиняемые, почти без утайки рассказал об основных этапах деятельности буржуазного контрреволюционного лагеря против Советской власти в 1918—1919 годах. Тогда-то и удалось раскрыть направляющие центры контрреволюции, действовавшие в те годы.

Согласно показаниям обвиняемых, первым антисоветским политическим объединением, направлявшим буржуазные контрреволюционные движения в стране, был «Правый центр», созданный в Москве в марте 1918 года. Его учредителями являлись Центральный комитет кадетской партии, а также существовавшие еще со времен керенщины «Совет общественных деятелей» (объединявший «общественных деятелей» реакционного направления) «Торгово-промышленный комитет» (объединение крупных промышленников, финансистов, торговцев), «Союз земельных собственников» (объединение помещиков и крупных кулаков) и некоторые отдельные буржуазные деятели. На организационных совещаниях по созданию «Правого центра» присутствовали: от «Совета общественных деятелей» — бывший царский министр внутренних дел Д. М. Шепкин, бывший товарищ министра внутренних дел при царизме и Временном правительстве С. М. Леонтьев, буржуазный публицист А. С. Белевский (Белоруссов); от кадетской партии — профессор Новгородцев, Н. И. Астров, В. А. Степанов, А. А. Червеч-Водали; от «Торгово-промышленного комитета» — видные промышленники и фабриканты С. А. Морозов, И. А. Бурышкин, А. М. Невядомский, М. М. Федоров; от «Союза земельных собственников» — бывший царский министр А. В. Кривошеин, бывший член Государственного совета В. И. Гурко, помещик И. М. Мейснер; от монархистских групп — Л. Г. Кисловский и бывший обер-прокурор Святейшего синода А. П. Рогович. Кроме того, в образовании «Правого центра» участвовали профессор П. Б. Струве, князья Г. Н. и Е. Н. Трубецкие. Руководителями объединения стали Новгородцев, Кривошеин, Гурко и Леонтьев. «Правый центр» поставил перед собой задачу сплотить консервативные силы с тем, чтобы после предполагаемого свержения Советов взять в свои руки руководство страной и не допустить к власти левые элементы. Большинство деятелей «Правого центра» придерживалось «германской ориентации», полагая достичь своих целей с помощью немецких оккупантов. В обвинительном заключении по делу «Тактического центра» ВЧК отмечала: «Гермофильский Правый центр, считавший возможным, в случае вступления в переговоры с немцами, добиться пересмотра Брест-Литовского договора, вступил летом 1918 года в переговоры с представителями германского посольства в Москве о возможности путем оккупации центральной России свержения Советской власти и образования дружественного Германии правительства. Переговоры эти не привели к определенным результатам... Представители Правого

²⁶ «На чужой стороне», Прага, 1923, № 3, стр. 141—153.

центра в указанный выше период вели переговоры [и] с представителями Антанты в Москве и Петербурге, причем с представителями Франции от имени Правого центра говорили В. И. Гурко и Е. Н. Трубецкой, и представитель французского правительства предлагал Правому центру через Е. Н. Трубецкого известную сумму денег за согласование политики Правого центра с политикой Антанты»²⁷.

Разногласия внутри «Правого центра» привели к тому, что многие его деятели вышли из этой организации и создали в мае — июне 1918 г. новое объединение под названием «Национальный центр» с ориентацией на страны Антанты. В его создании участвовали кадеты Н. И. Астров, В. А. Степанов, Н. Н. Щепкин, А. А. Червен-Водали, видный церковный деятель А. В. Карташов, бывший товарищ министра просвещения при Временном правительстве О. П. Герасимов, представитель «Торгово-промышленного комитета» М. М. Федоров и представители «Совета общественных деятелей». Первым председателем «Национального центра» являлся октябрист, бывший земский деятель Д. Н. Шипов, а после его ареста в начале 1919 г. председателем стал бывший член Государственной думы кадет Н. Н. Щепкин. По замыслу учредителей «Национального центра», последний должен был явиться штабом, направляющим деятельность всех правых групп, борющихся с Советской властью. Члены «Национального центра» разрабатывали принципы общей программы, которыми должно было руководствоваться будущее правительство России. Они соответствовали духу программы кадетов. Наряду с занятием «академической» работой «Национальный центр» поддерживал отношения с генералами, действовавшими против вооруженных сил Советской республики, с военными подпольными группами, имевшимися в советском тылу, с дипломатическими представителями стран Антанты.

Одновременно с объединением правых группировок происходила консолидация и так называемых «демократических» антисоветских групп. В марте 1918 г. в Москве образовался «Союз возрождения России», куда вошли представители партии народных социалистов, правых эсеров, некоторые меньшевики-оборонцы и часть кадетов. В организации его участвовали: от партии народных социалистов — Н. В. Чайковский, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов; от правых эсеров — Н. Д. Авксентьев, А. Аргунов, Бунаков (И. И. Фундаминский), некоторые меньшевики-оборонцы, представители плехановской группы «Единство», персонально — профессор С. П. Мельгунов, левые кадеты Н. И. Астров, Н. М. Кишкин и Д. Н. Шаховской. Один из деятелей «Союза возрождения России», меньшевик-оборонец В. Н. Розанов, арестованный в 1919 г., когда была раскрыта часть «Национального центра», дал следующее показание на допросе в ВЧК: «Образование «Союза возрождения» относится к времени, непосредственно примыкавшему к Брестскому миру. Приблизительно после Пасхи [1918 г.] в связи с Брестским миром в Москве происходил ряд междупартийных совещаний в различных группировках. Тогда выяснилось, что некоторая часть ценовой буржуазии склоняется к германской ориентации... Социалисты-революционеры, трудовики и меньшевики были резко против этой линии. Выяснилось, что большинство кадетов также против германской ориентации и тогдашнего поведения Милюкова. Тогда и было решено в Москве основать «Союз возрождения» со следующей платформой: 1) непризнание Брестского мира и восстановление России в границах 1914 года, за исключением Польши и Финляндии; 2) возрождение русской государственности путем созыва Учредительного Собрания. На этом согласились социалисты-революционеры, меньшевики-оборонцы, трудовики и часть кадетов. Названные группы и решили образовать «Союз возрождения» как организацию, временно объединяющую участников ее для достижения названной платформы, но без ограничения их автономного существования и полной свободы действий и пропаганды»²⁸.

Зимой 1918—1919 г. в Москве у известной в прошлом «экономистки» Е. Д. Кусковой собирались «за чашкой чаю» деятели разных существовавших в городе антисоветских групп. Они обсуждали политические события, стараясь выработать приемлемую для них политическую платформу. К марту — апрелю 1919 г. ими и был образован «Тактический центр». В обвинительном заключении ВЧК так излагаются эти обстоятельства: «В феврале 1919 г. начинаются события, заставляющие московских контрреволюционеров сблизиться окончательно. Таким импульсом, прежде всего, является радио Антанты о предполагаемом созыве конференции на Принцевых островах. В феврале, таким образом, созывается предварительное совещание членов «Национального центра» и «Союза возрождения», на котором присутствуют от «Национального центра» — Щепкин Н. Н., Кольцов, Котляревский, С. Е. Трубецкой, Герасимов, Фельдштейн; от «Союза возрождения» — Мельгунов, Волк-Карачевский, Левицкий-Цедербаум, Филатев, Студенецкий, Кондратьев, а затем второе совещание, на которое, помимо указанных лиц, приглашаются лидеры «Совета общественных деятелей» — Д. М. Щепкин и Леонтьев; присутствовал также член «Национального центра» Муравьев. На этих совещаниях обсуждается вопрос об объединении всех трех организа-

²⁷ «Обвинительное заключение по делу раскрытых в Москве контрреволюционных организаций и их деятельности в 1918—1919 гг. («Тактический центр» и объединенные в нем организации: Союз общественных деятелей, Национальный центр, Союз возрождения, Торгово-промышленный комитет, Кусковский клуб, так называемый «Союз русской молодежи» и ЦК кадетской партии)». М. 1920, стр. 8—9.

²⁸ См. «Известия ЦИК», 25.X.1919.

ций в тактическом отношении и в смысле выработки единого плана действий. В результате этих совещаний создается тесный заговорщический союз между монархистами, кадетами, социалистами-революционерами, меньшевиками, народными социалистами и группой «Единство»... Таким образом, в апреле 1919 г. образуется «Тактический центр», объединяющий «Совет общественных деятелей», «Национальный центр» и «Союз возрождения», сохраняя за ними автономность и организационную обособленность, а также самостоятельность касе». Состоялся контрреволюционный съезд на следующей общей платформе: восстановление государственного единства России; Национальное собрание, должностное разрешить вопрос о форме правления в России; единоличная, диктаторского характера военная власть, которая восстановит «порядок» и разрешит на основе права частной собственности ряд неотложных мероприятий экономического и социального характера; вместе с тем «Тактический центр» высказывался за признание Колчака «верховным правителем» России²⁹.

«Тактический центр» не был централизованной организацией, не имел устава и точно зафиксированной программы. Он представлял собой скорее контактную комиссию, состоявшую из ответственных деятелей «Совета общественных деятелей», «Национального центра» и «Союза возрождения России» и мыслился его участниками как некий «мозговой центр» всех антисоветских движений. Руководство вновь созданной организации состояло из представителей «Национального центра» Н. Н. Щепкина и О. П. Герасимова и их заместителя С. Е. Трубецкого; представителей «Совета общественных деятелей» Д. М. Щепкина и С. М. Леонтьева; представителя «Союза возрождения России», редактора издательства «Задруга» и журнала «Голос минувшего» С. П. Мельгунова. Кроме того, была образована особая Военная комиссия в составе Н. Н. Щепкина, С. М. Леонтьева и С. Е. Трубецкого, поддерживавшая связи с военными организациями, примыкавшими к «Национальному центру».

Известное представление о характере деятельности руководящего ядра «Тактического центра» и о взаимоотношениях входивших в «центр» групп дают объяснения профессора Н. Н. Виноградского. Он показал, что «Тактический центр» обсуждал вопрос об отношении к конференции на Принцевых островах и выработал декларацию, «не признававшую никакого соглашения с Советской властью и призывавшую Антанту оказать вооруженную и материальную силу борющимся на окраинах против Советской власти армиям... Когда выяснилось, что конференция на Принцевых островах не состоится, в Совете общественных деятелей возникла мысль информировать заграничную о действительном положении вещей в Советской России; было предположено составить записку, характеризующую все стороны государственной и общественной жизни страны... Записка была написана и обсуждалась в марте и первой половине 1919 года. О намерении Совета общественных деятелей информировать заграничную таким путем Щепкиным и Леонтьевым был поставлен в известность Тактический центр, причем Национальный центр и Союз возрождения, ввиду начатой Советом общественных деятелей уже работы, соглашались, чтобы она была доведена им до конца и затем уже подвергалась обсуждению в Тактическом центре. Позднее Леонтьев докладывал Совету общественных деятелей, что записка принята Тактическим центром с небольшими изменениями». Из показаний Н. Н. Виноградского стало известно, что на заседаниях «Совета общественных деятелей» и «Тактического центра» делали сообщения тайно приезжавшие в Москву офицеры денкинской и колчаковской разведки (Халтулари и Азаревич): «В конце марта состоялось заседание Совета общественных деятелей, на которое Леонтьевым были приведены некий Азаревич, приехавший из Сибири, а также прибывший с юга Халтулари... Приехавшие сделали подробные доклады о положении дел на окраинах; кратким докладом о военном положении они противопоставляли подробные данные, характеризующие общее положение, каковое наиболее интересовало Совет общественных деятелей, и отвечали на задаваемые им вопросы... В следующем заседании вопрос подвергся подробному обсуждению, и признано было необходимым послать декларацию о том, как в Москве понимают строй, должностной быть установленным на местах, немедленно после освобождения их от Советской власти». После того, как «Советом общественных деятелей» такая «декларация» была составлена, она обсуждалась и в «Тактическом центре». «Обсуждение проекта в Тактическом центре затруднилось благодаря непримиримому отношению Союза возрождения к тексту Совета общественных деятелей в части, касающейся аграрного вопроса, и здесь пришлось уступить с тем, чтобы формулировка была сделана в детально неопределенных выражениях; по остальным же пунктам, как-то: военной диктатуре до Национального Собрания (без упоминания, однако, состава его и порядка избрания), возражений со стороны Союза возрождения не было...»³⁰.

Из организаций, примыкавших к «Тактическому центру», наибольшую активность развил руководимый Н. Н. Щепкиным «Национальный центр». Он установил конспиративные связи с командованием войск Юденича, Колчака и Денкина, проводил шпионскую, диверсионную и повстанческую работу, тесно увязывая ее с военными планами генералов. В 1919 г. органы ВЧК вскрыли и ликвидировали несколько опаснейших

²⁹ См. «Обвинительное заключение по делу раскрытых в Москве контрреволюционных организаций...», стр. 20—21.

³⁰ Показания Н. Н. Виноградского опубликованы в эмигрантском сборнике «На чужой стороне», 1925, № 9, стр. 91—103.

групп «Национального центра»³¹; в июне — группу изменников из числа военных специалистов, готовивших восстание в районе Кронштадта; в июле — Петроградское отделение «Национального центра», которое возглавлял владелец фирмы «Фосс и Штейнингер» кадет В. И. Штейнингер; в сентябре — Московское отделение «Национального центра» и офицерскую организацию «Штаб добровольческой армии Московского района» (призывавшую к «Национальному центру») во главе с генералами Н. И. Стоговым, С. А. Кузнецовым (занимавшим пост начальника оперативного отдела Главного штаба Красной Армии) и полковником В. В. Ступиным; в ноябре — оставшихся еще членов Петроградского отделения «Национального центра». Тогда, в частности, были арестованы: полковники В. Люндквист, В. Меднокритский, адмирал Бахирев, находившиеся на службе в Красной Армии; члены сформированного в Петрограде (на случай занятия города Юденичем) «правительства» во главе с профессором А. Быковым. Была разоблачена связь «Национального центра» с агентом английской секретной службы «Интеллидженс сервис» Полем Дюксом. В августе был арестован руководитель «Национального центра» Н. Н. Щепкин. Но, несмотря на то, что «Национальный центр» был раскрыт, о существовании «Тактического центра» в то время не стало известно. Только в 1920 г. удалось установить, что «Национальный центр» входил в еще более широкое, чем он сам, политическое объединение контрреволюции — «Тактический центр».

В августе 1920 г. расследование дела «Тактического центра» закончилось. Многие участники преступлений, совершенных в 1918—1919 гг., были по амнистии освобождены от ответственности. Перед судом Верховного трибунала при ВЦИК предстало 28 членов антисоветских центров. В числе них находились: руководители «Тактического центра» Д. М. Щепкин, С. М. Леонтьев, С. Е. Трубецкой и С. П. Мельгунов; члены «Совета общественных деятелей» и «Национального центра» профессора В. М. Устинов, С. А. Котляревский, Г. В. Сергиевский, В. С. Муралевич, Д. Н. Каптеров, М. С. Фельдштейн, Н. К. Кольцов; член коллегии Главтопа профессор Н. Н. Виноградский; бывший начальник Политического кабинета в министерстве иностранных дел Временного правительства В. Н. Муравьев; члены ЦК кадетской партии Н. М. Кишкин, Ю. Б. Губарева-Топоркова, Д. Д. Протопопов; член «Торгово-промышленного комитета» фабрикант С. А. Морозов, финансировавший деятельность «Правого» и «Национального» центров; член «Союза земельных собственников», бывший член Государственной думы В. И. Стемковский; члены «Союза возрождения России» Н. Д. Кондратьев (Китаев), меньшевики-оборонцы Г. В. Филатьев, В. О. Левицкий-Цедербаум (брат известного меньшевистского лидера Л. Мартова) и В. Н. Розанов; член контрреволюционного «Союза русской молодежи» Н. С. Пучков, содействовавший приезжавшим в Москву деникинским агентам; Е. И. Малеина (исполнявшая техническую работу и расшифровку секретных документов «Совета общественных деятелей» и «Правого центра»), А. Л. Толстая (предоставлявшая свою квартиру для заседаний «Тактического центра») и другие лица. Дело рассматривалось в Верховном трибунале с 16 по 20 августа 1920 г. под председательством И. К. Ксенофонтова; обвинение поддерживал Н. В. Крыленко, защитниками выступала группа адвокатов, в их числе профессор А. Тагер и Н. К. Муравьев.

Верховный революционный трибунал, признав «виновными в участии и соучастии в контрреволюционных организациях, поставивших себе целью ниспровержение диктатуры пролетариата, уничтожение завоеваний Октябрьской революции и восстановление диктатуры буржуазии путем вооруженного восстания и оказания всемерной помощи Деникину, Колчаку, Юденичу и Антанте», приговорил главных подсудимых к расстрелу. «Но, принимая во внимание чистосердечное раскаяние их, более или менее полное, искреннее желание работать с Советской властью и принять активное участие в восстановлении разрушенного хозяйства, а также решительное осуждение ими вооруженных белогвардейских выступлений и иностранной интервенции», постановил заменить им расстрел иными наказаниями. Суд вынес решение, на основании которого четверо из подсудимых были амнистированы, десять — осуждено к условному наказанию, три — к заключению на три года каждый, шесть — к заключению до окончания гражданской войны; четыре — Щепкин, Леонтьев, Мельгунов и Трубецкой — к тюремному заключению сроком на 10 лет; один подсудимый оправдан. Некоторые члены «Тактического центра», бежавшие от пролетарского суда, были объявлены врагами народа. Но когда был задержан один из них, крупный деятель «Союза возрождения России» В. Мякотин, ему заменили расстрел пятилетним заключением. Однако осужденные не отбыли срока наказания и в 1921 г. были освобождены по амнистии.

³¹ Подробнее об этом см. «Вопросы истории», 1965, № 10.

(Продолжение следует.)